

Вадим Перельмутер
История одного доноса

...И за горстку денег продан
В переводчики поэт.

Георгий Шенгели

Эта давняя история, случившаяся в середине прошлого века, по сию пору время от времени всплывает — фрагментами, вызывает вопросы, инициирует попытки включиться в уже туманную полемику, словом, никак не желает улечься в застывшую лаву «литературной борьбы» советского прошлого.

Я говорю о развернувшейся в 1948—52 годах полемике о переводе байроновского «Дон-Жуана», завершённом Георгием Шенгели в сорок шестом и вышедшем годом позже в однотомнике Байрона.

В записной книжке Шенгели есть запись, датированная двадцать вторым июня 1941 года: «Около 13 часов Г. С. Пиралов сообщил мне по телефону о бомбардировке немцами Житомира, Киева, Севастополя. Я переводил Байрона, когда Пиралов позвонил. Последние слова, написанные мною перед звонком, были: «Никто не ведаёт, как он покончит жизнь» (Глава I, октава 133)»...

Шесть лет работы...

И можно не сомневаться — да и убедиться, — что работа сделана на совесть. А мастерство Шенгели-переводчика уже давно в подтверждениях не нуждалось. Не говоря уже о том, что именно он — ещё в начале тридцатых — и создал эту самую нишу *стихотворного перевода*, куда смогли укрыться вытесненные из *советской поэзии* Константин Липскеров и Владимир Державин, Марк Тарловский и Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский и Михаил Зенкевич, и даже Пастернак с Ахматовой, да всех не перечислишь.

Поневоле возникло подозрение, нет, скажу мягче — предположение, что у той *поэтики* могли быть причины свойства... не совсем *литературного*, что ли... И захотелось разобраться.

О результатах того расследования я уже вкратце сообщал (см.: Георгий Шенгели, Иноходец. М., 1997, с. 30—31). Но совсем недавно

молодой литературовед несколькими вопросами своими вернул меня к теме — и я не без удивления обнаружил, что некоторые существенные причинно-следственные переплетения происходившего шесть десятилетий назад не то чтобы ускользнули некогда от внимания, но не были более или менее внятно выявлены. О том и речь.

Осенью 1994 года в Литературном музее проходил вечер, посвященный столетию со дня рождения Шенгели. Пришел на него и мой старинный знакомый, замечательный, по-моему, переводчик Роберта Браунинга (да и других удач у него хватало) Владимир Владимирович Рогов. Он был уже серьезно болен, на костылях, перенес к тому же операцию на горле, голос потерял, писал записочки, обратиться на этот вечер на Петровку было ему ох как непросто, но Шенгели он глубоко почитал, числил себя среди его *младших* учеников. За несколько минут до начала вечера он меня перехватил — записочкой (она у меня сохранилась): «Кашкина будете ругать? Сильно?» Я честно ответил, «Буду. Сильно». Он написал: «Тогда я уйду». И ушел. Без обид — мы потом с ним встречались несколько раз, в частности, у падчерицы Шенгели Ирины Сергеевны Манухиной... Рогов отлично знал, о чем будет разговор. И знал, что возразить тут нечего, голос не при чем, мог и запискою, кабы хоть какие-то более или менее сильные доводы существовали. Но он, повторю, знал, что доводов таких нет. И просто не хотел слушать, как будут ругать Кашкина. Ведь и Кашкин был его *учителем*.

Именно Кашкин и начал в сорок восьмом *атаки* на Шенгели. Первый выпад выглядел вполне профессиональным, в порядке вещей, ничего тревожного. Ну, прочитал человек, сам не чуждый занятию переводом, правда, прозы, американской преимущественно, поэму Байрона в переводе коллеги. Не понравилось. Взял оригинал, потом перечитал старый перевод Ивана Козлова, сравнил, сравнение представилось ему не в пользу нового перевода, ну, и написал про то. Однако статьей в газете дело не ограничилось. Состоялось обсуждение работы Шенгели на заседании секции художественного перевода Союза писателей. И тут критик оказался в совершенном меньшинстве.

Илья Сельвинский переводом восхищался, говорил, что выполнен оный поэтом, прекрасно владеющим своим ремеслом, что есть там «вещи гениальные». Правда, и без легкого укора не обошелся — тяжеловат, дескать, местами перевод, подчас проигрывает «акустике стиха» у Байрона.

Сигизмунд Кржижановский говорил, что впервые в переводе Байрона — «блеск», и что в стих нового перевода вместились много больше, нежели достигалось в старом — «на два поворота мысли у Козлова, у Шенгели — четыре-пять».

В том же духе высказывались Алексей Дживелегов, Евгений Ланн, Абрам Арго и другие.

И только Иван Кашкин упорно стоял на своем, так толком никого и не оспорив.

Чтобы оправиться от сей неудачи, Кашкину понадобилось почти три года. В пятьдесят первом он печатает в «литературке» еще одну статью о «Дон-Жуане». Теперь Шенгели у него — «буквалист», который чересчур рабски следует за оригиналом, утяжеляет поэтому и выхолащивает поэзию Байрона. И одновременно допускает в работе «переводческое своеволие» (читай: сознательные отступления от английского текста), в результате некоторые *содержательные* мотивы поэмы искажаются, в частности, образы Суворова и русских солдат. То, что «буквализм» и «своеволие» — антонимы, критика не смущает, его задача — не логику тут разводить...

В новой статье уже звучит сигнал тревоги: искажение *классики*, да еще упомянутых «образов», в ней обитающих, дело нешуточное, тут и до «оргвыводов» недалеко. К литературной полемике подмешивается политическая, как бы невзначай, совсем немного, но время таково, что в желающих возжечь пламя из этой искры недостатка нет. Шенгели отбивается аргументированно, жестко, но... печатать его ответы на критику газеты/журналы не хотят.

Наконец, в пятьдесят втором, одна за другой появляются еще две статьи Кашкина — в «Литературной газете» и в «Новом мире». Теперь уже речь ведется не только о Шегели и о Байроне, но о засилии в художественном переводе «буржуазных» переводчиков «старой школы», которые «„точным“» ошибочно называют перевод буквальный, то есть заведомо не способный передать идейно-художественное единство оригинала...

Дальше — больше. Оказывается, засилье «переводчиков-эмпириков» и «переводчиков-формалистов», а попросту говоря, переводчиков «русскоязычных» (термин, изобретением которого так гордился В. В. Кожин на поверку — банальный плагиат, возражение, что Вадим Валерианович мог и не читать Кашкина — пустое, он был человек начитанный, да и зять Ермилова, который с Кашкиным знаком был накоротке — и вполне сходился в отношении к «русскоязычным»), то есть людей с нерусскими фамилиями, с «нерусским синтаксисом и неправильным употреблением отдельных

слов» — называются при этом лишь двое: Шенгели и Ланн, — ведет к *идейному* искажению классики, более того, к сознательному, искажению образов Суворова и русских солдат в «Дон-Жуане», что «является профанацией, оскорблением национального достоинства русского народа, той национальной гордости великороссов, о которой писал Ленин»...

Опасность становится — без метафор — смертельной. Горячая любовь Сталина к Суворову общеизвестна. К счастью для Шенгели, Сталину уже не до Суворова. Жить ему оставалось — всего ничего...

Сергей Васильевич Шервинский рассказывал мне, как однажды ему позвонил очень взволнованный Шенгели и попросил разрешения срочно приехать. Явился запыхавшийся и сразу к делу: он оскорблен статьей и решил вызвать Кашкина на дуэль. Шервинский осторожно поинтересовался — почему с этим Георгий Аркадьевич пришел именно к нему. И услышал в ответ: «Ну, как же! Ведь вы — дворянин. И должны знать — как это сделать». И так твердо это прозвучало, что Шервинский не усомнился — всерьез. Что, конечно, куда опаснее для Шенгели, чем кашкинская статья-донос. И заговорил рассудительно. *По-дворянски*. Дуэль с доносчиком, сказал он, для дворянина невозможна. Она — бесчестье, признание равенства с противником. И добавил: «С дворниками не стреляются».

«Доносом» называл кашкинскую статью и М. Л. Гаспаров...

Во всем этом деле бросаются в глаза три странности. Первая — с чего это вдруг Кашкин, переводчик, повторю, преимущественно американской прозы XX века, и признанный мастер этого перевода, у него и своя *школа* есть, и репутация *кашкинской школы* была высока, оставалась такой и после смерти основателя своего, с чего это вдруг он взялся критиковать перевод стихотворный, да еще английской классики века девятнадцатого, что ему Байрон? что он Байрону?.. Странность вторая — почему из всех переводчиков этой самой классики Кашкин выбрал именно Шенгели? Неужто у других не смог найти «промахов» более очевидных, вопиющих? Третья — почему в первой своей статье и при первом обсуждении только что вышедшего «Дон-Жуана», в сорок восьмом, ни словом не обмолвился ни о «Суворове», ни о «русских солдатах», а встал на их защиту только в пятьдесят первом, гневную же филиппикой, которая процитирована, разразился в пятьдесят втором, через пять (!) лет по выходе книги?

На два первых вопроса — один ответ: потому и Байрон, что переводил его Шенгели. А *устранить* Шенгели, по мнению Кашкина (статьи в том сомнений не оставляют), следовало, чтобы *расчистить место* в переводах английской классики — для себя и своих учеников-воспитанников. Об этом мне говорили и Левик, и Штейнберг, да и Рогов не спорил.

Подобное, кстати, происходило тогда же, хотя и не столь явно, и вокруг переводов классики немецкой, то бишь затронуло два наиболее *актуальных* — после войны — языка...

Любопытно, что до пятьдесят второго года в своих критиках Кашкин имен переводчиков «старой школы» не называет. Кроме Шенгели. И только в пятьдесят втором добавляет к нему переводчика английской прозаической классики — тоже *русскоязычного* — Евгения Ланна.

Выясни — кому выгодно, поймешь — что произошло.

Можно заметить, что в сознании историков литературы подчас *предмет* их трудолюбия существует не то чтобы отдельно от истории как таковой, но словно бы автономно, вне тесной — логической — связи. То есть они, разумеется, знают, что отношение власти к литературе — с первых же большевистских лет — было насквозь политизированным, разгром ГАХНа и РАППа на рубеже двадцатых-тридцатых годов и создание четыре года спустя Союза писателей, а затем и других творческих союзов, зорко контролируемых государством, лишь утвердили эту истину.

И вот как это выглядит применительно к *оппозиции* Кашкин-Шенгели.

В середине двадцатых годов, когда двадцатипятилетний Иван Александрович Кашкин (он всего на пять лет младше Шенгели) *приходит в перевод*, политически-приоритетное направление литературного англоязычия в Советском Союзе — американское. Это времена «Армторга» и «романов» большевиков с Хаммером, Фордом и проч., тем более бурных, что «Европа», бывшая к большевистской *реальности* куда ближе, чем Америка, в первое *послеоктябрьское* десятилетие довольно жестко «держала дистанцию», экономических связей с *новой* Россией, мягко говоря, не одобряла. Американский бизнес от государства менее зависим — непросто помешать кому-то, кто на вложенный в Россию доллар получает пять, а то и десять, на порядок сложнее, когда счет идет на миллионы...

И каких только американских авторов в эти годы ни переводят! Глянуть в библиографию, перечитать слезные страницы из «Дневни-

ка» Чуковского, мучающегося над Синклером и др., — некоторых из тогда изданных по-русски авторов ныне в истории американской литературы без микроскопа не сыщешь. Есть, конечно, и «крупные рыбы», не без того, но они — единичны.

И молодой Кашкин — «американист». Он первым вскочил на этого мустанга — и угадал: к началу тридцатых у него уже «школа», работы прорва, только рекрутируй переводчиков да руководи ими...

В тридцатых годах — и того лучше. «Великая депрессия», ярче всего явленная, опять же, в США, пришлось в масть большевистской идее мировой революции, неизбежности всемирной победы коммунизма — уж коль скоро «Америка» (читай: флагман капитализма) так загнивает...

Не случайно ведь, к слову, Олеша в тридцать шестом, выступая на писательском собрании, осуждающем Шостаковича за «сумбур вместо музыки», никого из «своих» не закладывает, а примеры отрицательные приводит исключительно из литературы американской. Она — «в ходу»: ничего не надо объяснять и пересказывать...

Во время войны Кашкин — и сам военный переводчик (на связи/контакте с союзниками), и готовит военных переводчиков, некоторые из них потом работают в Нюрнберге. Будущее — литературное — представляется ему безоблачным.

Однако весной сорок шестого — после Фултонской речи Черчилля — ситуация резко меняется (борьба с «низкопоклонством перед Западом», а затем и с «безродными космополитами» — прямое следствие той речи, о чем, на мой взгляд, внятно до сих пор не сказано).

Позиции в переводной литературе сохраняет лишь западная классика, а из авторов современных в ней уцелевают лишь «прогрессивные», причем меру этой «прогрессивности» отныне оценивают исключительно «контролеры» из ЦК партии. Они же время от времени *штучно* пополняют список *лояльными* к СССР литераторами-современниками (и вымарывают из списка тех, кто позволяют себе критически высказаться о происходящем в «стране советов»).

Американистам, таком образом, остаются литераторы в диапазоне, условно говоря, от Драйзера до Говарда Фаста. Богатое поле деятельности для Кашкина и *кашкинцев*, а?

Тогда-то и начинается — и нарастает с сорок восьмого по пятьдесят второй — их наступление на позиции переводчиков классики, прозы ли, поэзии — не суть важно.

Так что Кашкину было что *делить* с Шенгели. Но он не *делил* — он *вытеснял*.

Он целит, я бы сказал, в самый центр мишени — в одну из самых весомых фигур в художественном переводе.

Напомню, что в сорок восьмом — после ареста всего Еврейского Антифашистского Комитета — «космополитизм» окончательно трансформируется в антисемитизм. Про то, что Шенгели — кварталон, Кашкин мог и не знать, хотя Шенгели этого никогда не скрывал, но рядом с ним — Ланн (Лозман), который с женой своей, отличной переводчицей А. В. Кривцовой, очертил обширные уголья в английской классике прозаической, к тому же — давний друг Шенгели, на его защиту Шенгели, ясное дело, бросится — и *подставится*...

В пятьдесят втором — суд над Лозовским, Маркишем и другими. Приговор ясен до суда. Со всеми поэтами, сидящими на скамье подсудимых, а их тут большинство, — Шенгели хорошо знаком: это в его редакции Госиздата выходили их книги...

А тут еще и «Суворов»...

Самое время для доноса.

Кашкин рассчитал точно. Но ему не повезло. Сталин подвел. Помер...

апрель-май 2011